

УДК821.161.1(091)

У ИСТОКОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ А. С. ПУШКИНА

М. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается метод оценки А.С. Пушкиным литературных явлений. Отмечается связь его литературно-теоретических суждений с европейской философско-эстетической мыслью эпохи. Анализируются этическое эстетические принципы трактовки понятия народности. Доказывается, что историко-литературные опыты Пушкина нашли развитие в трудах представителей русской культурно-исторической филологической школы.

Ключевые слова: история русской литературы, литературная критика, литературоведение, А.С. Пушкин, А.Н. Пыпин, историзм, народность, культурно-историческая филологическая школа.

Введение

В творческом наследии А.С. Пушкина нет объемных литературно-теоретических трудов. Тем не менее 160 работ, в число которых входят не только опубликованные, но и незавершенные материалы, черновые наброски, полемические заметки, являются свидетельством того, что о литературе – ее тенденциях, национальных особенностях, целях и задачах – поэт размышлял на протяжении всей своей творческой жизни. Первый пушкинский опыт анализа литературного явления был предпринят в 1815 г., когда в его лицейском дневнике появилась памфлетная характеристика поэта и драматурга А.А. Шаховского, а последние статьи о литературе были подготовлены для “Современника” в январе 1837 г.

За два столетия существования науки о Пушкине накоплено бесчисленное множество исследований его жизни и художественного творчества. При этом его оценки и критические разборы произведений русской и зарубежной литературы служили

поводом для реконструкции эстетических взглядов поэта и определения его роли в литературном движении эпохи. Нельзя, однако, не отметить, что и в современной науке историко-литературные изыскания Пушкина по-прежнему остаются на положении частной проблемы, сопутствующей исследованию художественного метода самого поэта (А.А. Белый), литературной борьбы 1820–1830-х гг. (В.Э. Вацуро, Н.Ф. Филлипова), пушкинского дискурса в русской критике (В.Ю. Шатин), “пушкинского” направления в развитии русской литературы (Е.В. Семенова), русско-европейских культурных связей (В.А. Аветисян, С.А. Небольсин), историко-культурного контекста пушкинской эпохи (С.В. Березкина) и т. п. А в истории русской литературно-критической мысли Пушкину до сих пор отводится место “предшественника” В.Г. Белинского (В.В. Прозоров). Поэтому историко-литературные и литературно-теоретические опыты Пушкина требуют дополнительного изучения. Это позволит, с одной стороны, выявить связь суждений поэта с современной ему философско-эстетической мыслью, а с другой – определить значение литературоведческих опытов Пушкина для становления русской филологической науки.

Основная часть

Пушкин неоднократно повторял, что “критики у нас <...> не существует” [1. Т. 10, с. 94]. Однако следует уточнить, какой смысл в данном случае он вкладывал в понятие “критика” и что имел в виду, заявляя, что “критики у нас еще нет” [1. Т. 6, с. 280].

В письме к А.А. Бестужеву (июнь, 1825) Пушкин заметил: “Что же ты называешь критикою? <...> Покамест мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет” [1. Т. 9, с. 150]. Дальнейшие рассуждения свидетельствуют, что Пушкин осознавал различие между журнальной критикой и критикой научной, т. е. литературоведением. Признавая существование первой, он сожалел о неразвитости русской литературной науки, не создавшей “ни единого комментария, ни единой критической книги”. Сиюминутность, авторитет “кумира”, субъективность мнений и вкуса – такими

признаками Пушкин характеризовал современную критику. Приведя в пример "германцев", которые создали теоретическую базу для своих искусствоведческих штудий, он был вынужден констатировать, что "литература кой-какая у нас есть, а критики нет" [1. Т. 9, с. 150].

Следует подчеркнуть, что эти суждения Пушкина вписываются в контекст дискуссий второй половины 1820-х гг. о роли философии в определении подлинно научного метода оценок литературных явлений. Интересно, что в наброске "О критике", который датируется 1830 г., он со всей определенностью назвал ее "наукой открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы". Наукой, которая основана "на совершенном знании правил", "на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений" [1. Т. 9, с. 281].

В 1834 г. Пушкин начал работу над статьей "О ничтожестве литературы русской", название которой явно указывает на ее дискуссионный характер. Сохранившиеся планы дают представление о масштабе предполагаемой работы: Пушкин намеревался проследить историю русской литературы от древних времен до "века Александрова" [1. Т. 6, с. 284–286]. Однако им было написано только общеисторическое Введение к первой части статьи, поэтому основные ее положения приходится реконструировать по использованным в тексте наброскам, заметкам, а также теоретическим обобщениям, изложенным в других работах. Такая реконструкция поможет составить представление о наметившейся у Пушкина историко-литературной концепции.

В набросках к статье "О русской словесности" (1830) Пушкин сделал две записи: "Старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь, и на ней возвышается единственный памятник: "Слово о полку Игореве". И ниже: "Словесность наша явилась вдруг в XVIII столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной" [1. Т. 6, с. 324]. По сути, Пушкин оспорил точку зрения Н.И. Новикова, которого, однако, ценил как издателя и публициста, распространившего в России "первые лучи просвещения". В "Опы-

те исторического Словаря о российских писателях" (1772) Новиков доказывал, что русская литература существовала и в допетровские времена, и привел имена 57 древнерусских авторов. Пушкин не опровергал фактологическую составляющую "Словаря", но счел неубедительным новиковский метод определения значения русского литературного средневековья.

Как отмечалось выше, со второй половины 1820-х гг. новая литературная наука и критика постепенно обретали твердую теоретическую основу, построенную на законах, открытых философией. Принцип историзма, позволявший понимать и объяснять закономерность и необходимость тех или иных явлений искусства, признавался основополагающим большинством филологов того времени.

В статье "Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной" (1836) Пушкин отметил, что "умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству" [1. Т. 6, с. 126]. Автор статьи фактически признавал, что, "заимствуя из философии" не только теоретическую основу, но и методологию, критика сделала серьезный шаг в сторону литературоведения. Едва ли в этой связи можно согласиться с Р.Ю. Данилевским, который считает, что "прямых свидетельств интереса Пушкина к немецкой философии нет" [2, с. 217]. Но если нет "свидетельств прямых", то косвенные есть определено.

Исторический подход, который Пушкин демонстрировал в оценке анализируемых явлений, дает основания утверждать, что с важнейшими положениями "Философии искусства" Ф.В. Шеллинга он знаком был, по крайней мере, по публикациям И.В. Киреевского, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, которых Пушкин аттестовал как "молодых, пылких, добросовестных последователей германской философии" и о которых с уважением отзывался в своих статьях и письмах [1. Т. 6, с. 126]. И, конечно, нельзя не назвать имя ученого, критика и журналиста Н.И. Надеждина, оказавшего опосредованное влияние на литературно-теоретические взгляды поэта.

Как известно, с 1831 г. Пушкин печатался в его журнале “Телескоп”. Получая авторские экземпляры, он, разумеется, читал не только свои материалы. Не могли не привлечь внимание Пушкина и работы Надеждина, которые, по свидетельству современников, вызвали восторженный интерес у молодых людей, “охваченных жаждой вникать в высшие задачи внутреннего мира” [3, с. 210]. Тем более что в условиях политической несвободы, установившейся в России после событий декабря 1825 г., увлечение мыслящих людей эстетическими идеями Г.И. Гердера, Ф.В. Шеллинга, Г.Ф. Гегеля, И. Канта реализовывало стремление к свободе интеллектуальной, т. е. являлось своего рода диссидентством.

В первых номерах “Телескопа” за 1831 г. Надеждин опубликовал свой теоретический трактат “О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической”, где доказывал, что закону саморазвития Абсолютной Идеи подчиняется человеческое бытие во всех его формах, одной из которых является искусство. Очевидно, не без влияния Надеждина, а точнее философии Шеллинга, изложенной автором трактата, в набросках к статье “Оничиожествелитературырусской” Пушкин сделал следующую запись: “Словесность рождается сама собою, из своих собственных начал”, а ее “состояние” определяется “духом века” т. е. особенностями эпохи [1. Т. 6, с. 285].

Исходя из этого теоретического посыла Пушкин обусловил “бедность” древнерусской литературы трагическими событиями русской истории: татаро-монгольское нашествие на несколько столетий приостановило развитие культурной жизни страны. В “порабощенной и растерзанной Руси” “несколько сказок и песен, непрерывно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и “Слово о полку Игореве” возвышается уединенным памятником в пустыне нашей словесности”, – констатировал автор статьи [1. Т. 6, с. 361].

На первый взгляд, эти суждения поэта немногим отличались от оценок русской литературы допетровской эпохи, прозвучавших в первом из “Философических писем, адресованных даме”

П.Я. Чаадаева (1836). Автор “Брошюры” писал, что русская словесность не оставила “ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его преданиях” [4, с. 123–124]. Однако в неотправленном письме Чаадаеву (19 октября, 1836) Пушкин напоминал адресату, что “образующееся просвещение” Европы было спасено “порабощенной Русью”: “Нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех” [1. Т. 10, с. 287].

В подготовительных материалах к незаконченной статье 1834 г. автор назвал еще одну объективную причину “бедности” древнерусской литературы: необразованность нации. Именно поэтому произведения немногочисленных авторов оставались недоступными широкому читателю и не могли формировать “общее (общественное. – М.Ч.) мнение”. Следует отметить, что Пушкин в данном случае повторил мысль Н.М. Карамзина, что литература не существует, если нет грамотного и заинтересованного читателя, высказанную в “Письме к издателю” (1802).

Объективные условия для распространения просвещения в России создали петровские реформы; именно в этом, ко всему прочему, Пушкин усматривал их значение. Соответственно, он счел правомерным датировать начало нашей словесности именно XVIII в., когда просвещение, ставшее в итоге общественной потребностью, привело к тому, что “поколение преобразованное презрело безграмотную, изустную народную словесность” [1. Т. 6, с. 385].

В незаконченной статье 1834 г. Пушкин привел ряд примеров, доказывавших, что культурное сближение России с Европой началось задолго до Петра, но подчеркнул, что только благодаря его преобразованиям во всех сферах общественной жизни “европейское просвещение стало оказывать благотворное влияние на рождающуюся нашу литературу” [1. Т. 6, с. 361]. В опубликованной двумя годами позже статье “Мнение М.Е. Лобанова о духе поэзии...” Пушкин уточнил, что прямое влияние просвещения было связано с усвоением русскими писателями XVIII в. эстетики французского классицизма, кос-

венное – “в вольном или невольном их подражании образцам великого примера” [1. Т. 6, с. 124]. Интересно, что в предыдущей работе он намеревался подробно проследить этапы развития французской литературы и проанализировать причины ее “обмеления”, из которых русская словесность должна была, по его убеждению, извлечь поучительные уроки.

Во Франции XVII ст. было ознаменовано появлением блестящей плеяды таких великих писателей, как П. Корнель, Ф. Малерб, Н. Буало, Ж. Расин. Но “дух исследования и порицания, овладевший умами” людей эпохи Просвещения, сотворил нового кумира – Вольтера. Именно под его влиянием литература стала превращаться в проповедь эпикурейства и безрелигиозных идей. “Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная”, – заключал автор статьи [1. Т. 6, с. 365].

Нельзя не отметить, что Пушкин в данном случае был солидарен с высоко ценимым им И.В. Киреевским. В статье “Девятнадцатый век” (1832) молодой критик обуславливал литературу историческими обстоятельствами, к которым он относил и господствовавшие “в данную эпоху воззрения на мир и человека”¹.

После исторического экскурса Пушкин планировал в этой статье “обратиться к России”. Исходя из общих положений

¹ Очевидно, по идеологическим соображениям в советский период приходилось замалчивать еще одну важную мысль, прозвучавшую в историческом Введении: неизбежен упадок словесности, разорвавшей связь с религией, этим вечным идеалом Добра и Красоты, на который ориентируется подлинное искусство. Интересно, что ту же мысль высказал позже русский философ и богослов С.Н. Булгаков в статье “Жребий Пушкина” (1937). Исходя из своей философско-эстетической концепции, он доказывал, что Пушкин понимал творчество как служение и послушание, наложенное на поэта самим Богом, а потому верно угадал сущность искусства. Следует также отметить, что критик одним из первых усмотрел в художественных произведениях и суждениях Пушкина о литературе философский смысл. Подробнее см. в статье М.С. Смоляковой (Черновой) “В нем говорит нам русская душа...” С.Н. Булгаков об А.С. Пушкине” [5].

Введения, можно сделать вывод, что он, по-видимому, намеревался проследить периоды развития русской литературы, проанализировать “нынешнее” ее состояние и определить задачи “нашей юной словесности”, что должно было обозначить основные положения его историко-литературной концепции. Однако Пушкин отказался от своего замысла. Трудно сказать, что стало тому причиной. В опубликованной в “Молве” статье В.Г. Белинского “Литературные мечтания” (1834) Пушкин усмотрел ряд совпадений со своей периодизацией русской словесности. Возможно, поэт счел, что в данный момент его работа не актуальна, и он утратил к ней интерес...

В предыдущих своих статьях и набросках Пушкин обуславливал “духом века” необходимость создания литературы народной. При этом он упрекал критиков в том, “никто не думал определить, что разумеет он под словом *народность*” (курсив наш. – М.Ч.). Однако в 1820–1830 гг. о народности как главном критерии оценки художественности новой литературы писали А.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, О.М. Сомов, Н.И. Надеждин, И.В. Киреевский, Н.А. Полевой и др. При этом все их суждения о самобытности искусства базировались на идее народности художественного творчества, сформулированной немецким философом Г.И. Гердером. Его фундаментальный труд “Идеи философии истории человечества” (1784–1791) в России знали, а автора высоко ценили как “великого ученого и глубокомысленного метафизика” (Н.М. Карамзин). Но нельзя не учитывать, что трактовка понятия народности в русский критике обуславливалась идеологическими установками представителей различных ее течений [6].

С концепцией народности Гердера был знаком и Пушкин. В 1829 г. в “Московском Вестнике”, с которым поэт в то время сотрудничал, был напечатан русский перевод первой части “Идей...”. Эта публикация и отклики на нее не могли не привлечь внимание Пушкина. Ранее он мог познакомиться с теорией Гердера благодаря книге Ж. де Сталь “О Германии”. Интересно, что в наброске “О народности литературы” (1826) он почти дословно повторил определение этого понятия, данное Гердером: “Климат, образ правления,

вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу" [1. Т. 6, с. 238]. Следует, однако, подчеркнуть, что Пушкин попытался сформулировать не только конкретно-историческое, но и национально-этическое обоснование народности. Тем самым уже в середине 1820-х гг. он сделал шаг вперед по сравнению с трактовкой этого термина критиками-декабристами, а также Надеждиным, братьями Н. и Кс. Полевыми, поздним Белинским. Пушкин не допускал в своих суждениях подход, который впоследствии получил название "классовый" и который, в сущности, приводил к путанице понятий "народность" и "простонародность".

Народность художественных произведений Пушкин усматривал не в сюжетах из отечественной истории, не в приметах простонародного быта и обилии простонародных слов. В "идеализированном "Ермаке" (имеется в виду одноименная драма будущего идеолога славянофильства А.С. Хомякова. – М.Ч.) все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии", – заметил Пушкин в незаконченной статье "О народной драме и "Марфе Посаднице" М.П. Погодина" (1830) [1. Т. 6, с. 320].

Неоднократно указывая на связь народности с национальной этикой, Пушкин вплотную подошел к выводу о том, что самобытность литературы обуславливается национальным самосознанием. Это положение явилось основополагающим в его историко-литературных суждениях. Впоследствии оно нашло развитие в трудах основоположников русской культурно-исторической филологической школы.

Точки соприкосновения с пушкинским определением народности обнаруживаются в "Истории русской литературы" А.Н. Пыпина, который доказывал, что "всякая литература – национальна, т. е. носит на себе черты племени, общественных особенностей и идеалов. <...> Без этого литература мертва и не внушает интереса" [7. Т. IV, с. 588]. Отметив обуславливающую связь истории страны и литературы, Пушкин назвал словесность

выразителем "мнения народного" и указателем "нашего умственного развития". Аналогичная мысль прозвучала в исторических очерках Пыпина "Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов": "История литературы входит в целую историю общества, и по литературе мы имеем возможность судить возрастание общественного самосознания" [8, с. 7]. Однако в 1873 г., когда создавалось это исследование, ученый привнес в понятие "общественное самосознание" социально-политический смысл. Пушкин же видел в литературе, прежде всего, проявление нравственно-этических устремлений нации.

Заключение

Сама постановка вопроса "история и литература" позволяет говорить о том, что в определенном смысле Пушкин явился предшественником культурно-исторической литературоведческой школы, а ориентация искусства на абсолютный этический идеал Добра и Красоты свидетельствует о том, что Пушкин прокладывал путь науке, оценивающей литературные явления не только на уровне конкретно-историческом, но и на вневременном.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пушкин, А. С.** Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин – Москва : Художественная литература, 1974–1978.
2. **Данилевский, Р. Ю.** Немецкая литература / Р. Ю. Данилевский // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – Т. XVIII/XIX : Пушкин и мировая литература. Материалы к "Пушкинской энциклопедии". – С. 217–225.
3. Цит. по: **Козмин, Н. К.** Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836 / Н. К. Козмин. – Санкт-Петербург, 1912. – 570 с.
4. **Чаадаев, П. Я.** Философские письма, адресованные даме. Письмо первое / П. Я. Чаадаев / Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. – Москва : Издательство Московского университета, 1989. – С. 120–134.
5. **Смолякова, М. С.** "В нем говорит нам русская душа..." С. Н. Булгаков об

- А. С. Пушкине" / М. С. Смолякова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – № 2–3(3). – 1999. – С. 13–17.
6. **Чернова, Г. С.** История русской литературной критики XIX – начала XX веков : учебное пособие / Г. С. Чернова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 152 с.
7. **Пыпин, А. Н.** История русской литературы : в 4 т. / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903.
8. **Пыпин, А. Н.** Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Колос, 1909.

Поступила в редакцию 02.02.2018 г.
Контакты: masha.70@mail.ru
(Чернова Мария Станиславовна)

Chernova M. THE ORIGINS OF RUSSIAN LITERARY CRITICISM: A.S. PUSHKIN'S HISTORICAL AND LITERARY RESEARCH.

The article considers A.S. Pushkin's method of evaluating literary phenomena. The author outlines the connection of A.S. Pushkin's literary and theoretical judgments with the European philosophical and aesthetic ideas. A.S. Pushkin's ethical and aesthetic principles of the interpretation of the concept of nationality are provided. It is proved that A.S. Pushkin's historical and literary judgments were further developed by the Russian cultural and historical philological school.

Keywords: history of russian literature, literary criticism, theory of literature, A.S. Pushkin, A.N. Pypin, historicism, the concept of nationality, cultural and historical philological school.